

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОМЕЛЯ

ЧЕРЕЗ СОЖ, К ПОБЕДЕ

(Газета «Красное Знамя»
22-й армидивизии прорыва РКК,
ноябрь 1943 года)

Над Сожем с той и с другой стороны с воем пролетали снаряды. Третий день с плацдарм на правом берегу. Советская Армия упорно продвигалась вперед, освобождая от оккупантов белорусские села.

Находясь на передовом НП, командир батареи лейтенант Комаров заметил, что немецкое фланговое орудие бьет по переправе и задерживает пехоту, переправляющуюся на правый берег. Пользуясь методом переноса огня от пристрелянного репера, лейтенант быстро произвел расчеты и передал команду на огневую позицию.

— Левее 0-05, прицел больше 2. Огонь! Второй снаряд угодил в цель. Пехотинцы снова двинулись вперед.

Чтобы теснее взаимодействовать с пехотой, которую поддерживали огнем артиллеристы, командир дивизиона выслал на правый берег реки передовые наблюдательные пункты. Связистам, которыми командовал младший лейтенант Абсаламов, было приказано навести связь.

Захватив с собой по две катушки телефонного кабеля и аппараты, красноармейцы Журавлев, Гуденко, Воронцов и Нехорошев пошли к переправе. Им вызвались помогать сержант Рогожкин и рядовой Любимов из другого отделения.

По узкому мостику, где с трудом могут разойтись два человека, тяжело нагруженные бойцы двинулись на противоположный берег.

Фашисты непрерывно обстреливали берега и переправу. Над рекой то и дело взлетали фонтаны воды, смешанные с грязью. Но несмотря на сильный огонь, связисты неуклонно продвигались вперед и скоро заняли свои окопчики...

Через несколько минут басисто заговорили орудия. Наши пехотные подразделения и передовые артиллерийские НП двинулись на новые рубежи.

Г. СУЛИМОВ.

В ОСВОБОЖДЕННОМ ГОМЕЛЕ

(Газета «Советская Белоруссия»,
ноябрь 1943 года)

Серым туманным утром мы переправляемся через Сож и попадаем в Гомель на Пролетарскую улицу. Она кажется совсем мертвой. Ни одного человека. Везде следы только что закончившегося боя, проломы в стенах каменных домов, щебень, осколки снарядов на мостовой. Над разрушенным зданием электростанции полыхает красное знамя. Его поднял под оружейный залл своих друзей ефрейтор Васильев.

Мы идем дальше. На тротуарах валяются кровати, диваны, разные домашние вещи. Кое-где еще горят пожары. Перед своим отступлением немцы взорвали и подожгли лучшие здания Гомеля. Страшные разрушения они нанесли центру города. Советская улица уничтожена полностью. Взорваны здания лесотехнического института, все городские больницы, школы, детские сады, разрушены все предприятия.

Проходит несколько часов. И вот в пустынный разрушенный город заходят его жители. Они прятались несколько недель в соседних лесах. Гитлеровцы гнали в Германию все население: детей, женщин, стариков. Сколько тяжелого горя перенесли эти люди! Их лица изнурены, глаза запали. Кажется, что они всю жизнь провели в тюрьме.

Немцы заминировали улицы, тротуары. Наши саперы приступили к разминированию.

На главной улице немцы взорвали вчера здание тюрьмы. Здесь они гноили советских людей — молодежь, интеллигенцию. Даже на окраине города были слышны крики несчастных. Регулярно по субботам и средам ночью во дворе

тюрьмы слышались залпы. Каты расстреливали свои жертвы.

Кое-где на заборах сохранились приказы местных властей и германского командования. Мы читаем один из последних приказов: «Кого застанут в границах города без специального разрешения, тот будет заподозрен в шпионаже или бандитизме и будет расстрелян».

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

(Газета «Сельмашевец»,
ноябрь 1983 года)

День освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков — 26 ноября 1943 года — навсегда останется в моей памяти. Я в числе первых вступил в город. Было утро. Из Новобелицы мы прибыли к реке Сож. Обратили внимание, что переправа уничтожена, мосты — железнодорожный и шоссе — взорваны. На вырубку пришли саперы: они соорудили плавучую кладку через реку, по которой добрались мы до

волжья, Урала, Сибири, Средней Азии, Мордовии, Ивановской области в Гомель пошли эшелоны с оборудованием, машинами, строительными материалами. Вся страна помогла восстанавливать город.

Чтобы подготовить здание к началу работ, нужно было очистить его внутри от земли и всего остального, что рухнуло вниз при пожаре. Дело в том, что до войны все жилые здания имели деревянные межэтажные перекрытия, поэтому после пожаров оставалась только кирпичная кладка стен.

Часто проводились субботники, во время которых эти коробки очищались от земли. На одном из них вместе с нами возил такси с землей Емельян Барыкин. Многие ра-

не Любимин Буда-Кошелевского района. Там жила моя крестная мать Стефания Круковская.

Тяжелейшую жизнь того времени подробно описывать не буду, она всем известна: оборванные, убитые горем люди были рады гнилой картошке или жмыхам

• Как это было

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ ПОДШИВКИ

К 73-й годовщине освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков

середине Сожа, а затем с берега ребятишки подали нам подку.

Мы в тот день обошли всю территорию города, смотрели, что оставил отступивший

бобы велись вручную, тогда не было такой строительной техники, как теперь.

Марк ЗЕЛЕНЧЁНОК,
ветеран войны и труда.

ГОРЕЛО НЕБО НАД ГОМЕЛЕМ

(Воспоминания, ноябрь 2016 года)

До войны мы жили в Гомеле, на улице Карповича, в доме барачного типа № 16 занимали маленькую комнатку. У матери нас было четверо: старший сын Олег, я — младший, да двое средних — Вячеслав и сестра Генриетта. Мать тогда работала в столовой Дорпрофсожа по судомойкой. 1 августа 1941-го мне исполнилось 9 лет. Старшему брату на то время было пятнадцать. Дни перед тем, как немцы захватили город, помню смутно. Хотя кое-какие эпизоды прочно вошли в память. Например, как бомбили Гомель, светомаскировку, как по ночам немецкие самолеты разбрасывали зажигательные бомбы. В разных частях города были пожары. Кое-где

от льняного семени. Ночью в деревне хозяевами были партизаны. Рядом, где-то в районе Салтановки, они подрывали железную дорогу. Помню, зимней ночью на санях целый отряд проезжал через нашу деревню. А днем появлялись немцы. На жителей они кричали, мол, вы помогаете партизанам. Некоторых забирали — они домой уже не возвращались...

Время шло. По деревне ходили слухи, что немцев под Москвой разгромили, что под Сталинградом нанесли им крупное поражение. А осенью 1943 года район гомельского вокзала часто бомбили советские самолеты.

... Стоял ноябрь, холодные ветры гуляли по улицам. Далеко над Гомелем горело небо, по ночам гремела канонада, а мы в землянках ждали, когда придет советский солдат. Путь фашистского отступления лежал через нашу деревню. Уходили они ночью, тихо, вслед за собой поджигали дома. Напуганные этой тишиной, мы тоже молчали — боялись говорить. Так продолжалось до самого рассвета, и вдруг раздался крик: «Наши! Наши!» Все бросились встречать их.

Первыми из землянок выскакивали пацаны, среди них был и я. Но, Боже, что же мы увидели? Солдаты шли навстречу в бинтах, оборванные, в грязи и глине... Один, хромающий, бессильно тянул по земле винтовку. Не до улыбок и объятий было им тогда. Это на следующий день начнутся песни и пляски, веселье «в орденах». Но в детской памяти живет другое, я даже стихотворение написал по этому поводу.

Когда мы возвращались из местной эвакуации в Гомель, все ужаснулись: центр города был полностью разрушен. Оставались только Дом коммуны (по рассказам свидетелей, одна бомба прошла насквозь здания, но не взорвалась), «дом специалистов» (что по улице Кирова напротив теперешнего БелГУТа), здание, где теперь размещается главное управление Национального банка по Гомельской области на улице Советской, и еще несколько домов. На месте вокзала — сплошные руины. В парке культуры и отдыха — все разрушено, торчат обгорелые стены, земля, начиная от Дворца пионеров, утыкана березовыми крестами. Говорили, здесь находилось кладбище фашистских офицеров. Базарная площадь (ныне им. Ленина) — одни развалины. Только возвышалась пожарная каланча... Барачный дом, в котором мы жили, тоже был уничтожен.

Дети в войну играют
И будут всегда играть.
Как порох снарядный пылает,
Дай Бог им, беспечным, не знать...
Михаил БУТКЕВИЧ,
почетный гомсельмашевец.

Н. БОРОВИКОВ,
ветеран войны и труда.

ИЗ ПЕПЛА И РУИН

(«Гомельские ведомости»,
ноябрь 2011 года)

Страшным, разрушительным смерчем пронеслась война над нашим Гомелем. С болью в сердце смотрели бойцы и командиры на его руины. За время войны и осенью 1943 года фашисты уничтожили 5100 каменных и деревянных зданий, многие улицы, застроенные деревянными домами, сожгли целиком. Особенно пострадали улицы, которые примыкали к железнодорожному вокзалу и станции «Товарная», к мостам через реку Сож.

Во избежание угона в Германию, многие горожане перед отступлением немцев ушли в деревни, прятались в лесах. На второй день после освобождения города они стали возвращаться назад.

Жить было негде, рыли землянки, использовали первые этажи споровших зданий, закрывали, чем могли, проемы окон и дверей, обходились без света и воды.

Какое счастье, что мы жили тогда в одном государстве! Из Москвы, По-

на улицах, помнится, висели тарелки громкоговорителей. Из них тревожно звучали слова известной песни: «Пусть ярость благородная...» Часто доводилось слышать от старших, что на окраинах города бойцы народного ополчения копают траншеи, вооружаются, готовятся вступить в бой с врагом.

Старший мой брат учился в железнодорожном училище, вместе с которым успел эвакуироваться в восточный город Союза Улан-Удэ. Работал там всю войну на военном заводе. Мать же с нами — остальными своими чадами — эвакуироваться не успела. Когда на поезде покидали город, в небе кружили немецкие самолеты, бомбили в разных местах железную дорогу. Из окна даже видел воздушный бой.

...Первым нашим убежищем стала деревня Потаповка Буда-Кошелевского района. Потом Буда-Кошелево, где жила бабушка. Когда мы вместе с другими беженцами входили туда, видел разбитые телеги, всякую военную амуницию, кое-где трупы людей. Позже на длительное время наша семья остановилась в дерев-